

Ясуси Иноуэ Пещеры тысячи будд

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618045

*Я. Иноуэ «Пещеры тысячи будд»: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2007
ISBN 978-5-9524-2750-1*

Аннотация

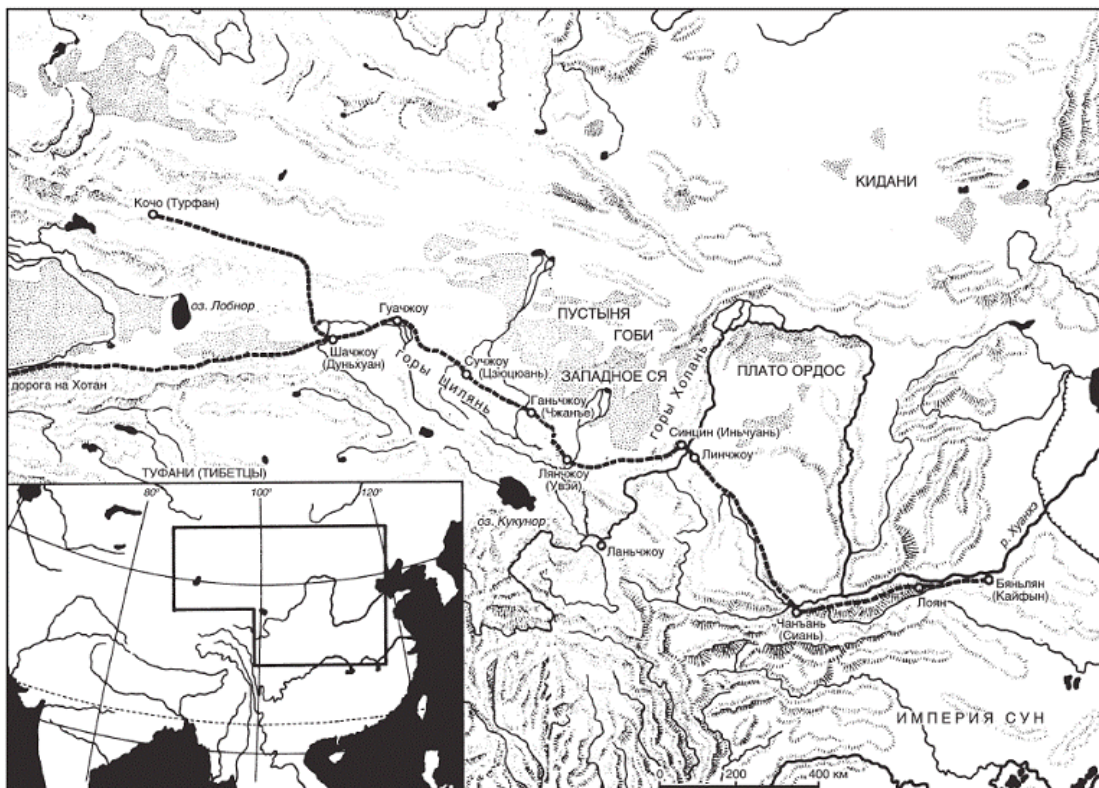
В романе «Пещеры тысячи будд» знаменитый японский писатель Ясуси Иноуэ (1907–1991) пытается раскрыть тайну происхождения буддийских свитков, много столетий назад захороненных в гротах у подножия Минша близ города Дуньхуан на западе Китая и обнаруженных археологами лишь в начале XX века.

Чжао Синдэ, верноподданный империи Сун, волей случая спас от смерти молодую тангутку и получил от нее в подарок грамотку с незнакомыми символами. Так просвещенный ханец впервые увидел письменность Западного Ся – тангутского государства, враждовавшего с Поднебесной, – и желание прочесть таинственные знаки бросило его в водоворот войн и политических страстей, бушевавших в Центральной Азии XI века.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ясуси Иноуэ Пещеры тысячи будд

Глава 1

Весной 1026 года Чжао Синдэ¹ прибыл в Бяньлян,² восточную столицу империи Сун,³ из своей родной провинции Хунань, решившись принять участие в дворцовых экзаменах, которые открывали дорогу к власти. В ту пору правительственные чиновники обладали неслыханным могуществом – даже для контроля над армией на ответственные должности Сын Неба⁴ назначал гражданских лиц, и те занимали ведущие позиции в войсках. Мечтающие преуспеть подданные должны были упорно учиться, дабы выдержать особые испытания, проводившиеся каждые три года. Император Чжэнь-цзун⁵ сложил для своих придворных наставление в стихах о важности образования:

Зачем земли приобретать и множить богатства семьи,
Коли в книгах найдешь тысячу мер проса.
К чему строить дома и жить в них покойно,
Коли в книгах тебя ждут горы золотые.
Не ропщи, что ты одинок, покидая пешим свой кров,
В книгах пасутся табуны лошадей.
Когда женишься, не оплакивай расставанье с красавицами
В книгах живут сонмы дев светлоликих.
Тот, кто знает, к чему стремиться,
Сядет у окна перечесть Шестикнижие.⁶

Если подданный сдавал дворцовые экзамены, впоследствии он мог дослужиться до должности министра или другого высокопоставленного столичного чиновника, к тому же из числа преуспевших выбирались управляющие провинций. В наставлении Чжэнь-цзуна недаром намекалось на то, что богатства, красивых женщин и почти всего на свете можно добиться благодаря знаниям.

Тридцать три тысячи восемьсот цзюйжэней⁷ из провинций съехались в Бяньлян. Из этого числа соискателей, среди которых были и стар и млад, надлежало отобрать всего пятьсот. Синдэ вместе со своим другом жил в столице с весны в доме близ Ворот Западного великолепия и к началу лета уже успел держать перед Советом судей экзамены по толкованию классической прозы, по истории и поэзии. Все три он сдал блестяще.

В один чудесный день, когда лучи летнего солнца просвечивали сквозь зелень вязов на главной улице города, Синдэ получил из дворцовой канцелярии уведомление о том, что ему предстоит пройти предпоследний экзамен – по каллиграфии и литературному слогу. Это испытание требовало физической выносливости и чувства прекрасного, способности

¹ У китайцев принято на первое место ставить фамилию, на второе имя; такой порядок в романе сохранен. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Бяньлян – старое название города Кайфын в Китае.

³ Сун – имеется в виду Северная Сун (960 – 1127), императорская династия, основанная военачальником Чжао Куаньинем (император Тай-цзу; 927–976).

⁴ Сын Неба – обозначение китайского императора.

⁵ Чжэнь-цзун (968 – 1022) – государь из династии Сун.

⁶ Шестикнижие («Лю цзин») – общее название шести древних трактатов, составивших конфуцианский канон: «Книга перемен» («И цзин»), «Книга песен» («Ши цзин»), «Книга документов» («Шу цзин»), «Записи о ритуалах» («Ли цзи»), «Книга музыки» («Юэ цзин»), «Весны и осени» («Чунь цю»).

⁷ Цзюйжэнь – обладатель второй ученой степени, которая присваивалась людям, сдавшим экзамены на уровне провинции; цзюйжэни получали доступ к столичным экзаменам на высшее учено звание цзиньши.

точно и свободно выражать свои мысли, умения четко и красиво писать, изящно и логично выстраивать сочинение. Если Синдэ справится, то ему останется лишь один устный экзамен у самого государя – собеседование на тему политической ситуации. Самые даровитые цзюйжэни получали звания Первого, Второго и Третьего из соискателей ученой степени, и всех их ждало великое будущее.

Синдэ был уверен, что никто из соперников не превосходит его в знаниях. Он был родом из семьи ученых и с младых ногтей вплоть до своего тридцать второго дня рождения окружал себя книгами. Первые экзамены он сдал с легкостью. Тысячи претендентов отсеивались, но Синдэ ни на мгновение не усомнился в себе.

В решающий день он отправился в приемный покой. Все соискатели уже собрались во внутреннем дворе, от которого лучами расходились галереи дворца. Чиновник вызывал цзюйжэней одного за другим и провожал по длинному коридору к экзаменационному залу. В ожидании своей очереди люди отдыхали на скамьях, расставленных по двору, или прогуливались. В сухом горячем воздухе едва ощущалось слабое дуновение ветерка. Сначала Синдэ с нетерпением ждал, когда выкрикнут его имя, потом присел у корней огромного дерева хуай и, скрестив руки на груди, прислонился к стволу. Постепенно его стало клонить в сон, веки сомкнулись. Иногда до слуха Синдэ доносились имена других претендентов, но голос глашатая звучал все глуше.

Цзюйжэнь заснул, и ему приснился сон. Его, Синдэ, проводили в государевы покои. По обе стороны рядами стояли вельможи в церемониальных одеждах. В центре зала возвышалась скамья. Синдэ бесстрашно подошел к ней и сел. На некотором отдалении от него находился помост, загороженный тонким пологом. «Что ты думаешь о предложении Хо Ляна по поводу обеспечения безопасности границ?» – донесся из-за полога громовой голос. Тридцать лет назад, в годы Юней,⁸ военачальник Хо Лян командовал армией. В ту пору молодую сунскую империю потрясали набеги тангутов,⁹ бесчинствовавших на западном рубеже, и, когда Хо Лян, осмотрев приграничное поселение Линчжоу, предложил свой план обороны, положение уже было критическим. Чиновники из Высшего совета не вняли Хо Ляну, а другого решения так и не нашлось – угроза нападения со стороны Западного Ся¹⁰ существовала по-прежнему.

Западное Ся было маленьким государством в восточной части территории Улян. Задолго до описываемых событий его основали тангуты. Кроме тангутов, в тех краях проживало множество других варварских племен, таких как туфани и уйгуры.¹¹ Некоторые из них тоже создавали государственные образования, но только Западное Ся обрело могущество. Оно подчинило себе соседние племена и совершало опустошительные набеги на западные рубежи Поднебесной. Официально тангуты признавали власть сунских правителей, но в то же время вступали в тайные сношения с киданями,¹² давними врагами империи. Годами

⁸ Юней, 984–987 гг. – один из девизов правления во времена императора Тай-цзуна (976–997).

⁹ Тангуты – племена тибето-бирманской группы.

¹⁰ Западное Ся (Си Ся) – государство, основанное тангутами в конце X в. на территории современной китайской провинции Ганьсу и западной части провинции Шэньси. Сначала Западное Ся формально входило в состав империи Сун тангутские ваны из рода Тоба признавали себя вассалами сунских государей. С 982 г. тангуты сражались за независимость и в 1006 г. фактически добились ее признания от императора Чжэнь-цзуна, но распри с Китаем продолжались.

¹¹ Туфани – китайское название тибетцев, в VII в. основавших в верховьях реки Брахмапутры государство Туфань; в эпоху расцвета их власть распространялась на Восточный Туркестан, западный Китай, склоны Гималаев Уйгуры – один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, выходцы из Восточного Туркестана; после распада в IX в. Уйгурского каганата на реке Орхон уйгуры создали два независимых государства с центрами в Кочо (современный китайский город Турфан в Турфанской впадине, Синьцзян-Уйгурский автономный район) и Ганьчжоу (Чжанье в провинции Ганьсу).

¹² Кидани (цидань) – племена монгольской группы, создавшие одну из самых мощных держав Восточной Азии X–XI вв.; с 947 г. их страна носила название Великое Ляо (Да Ляо), с 983-го Великое государство киданей; ее границы охватывали территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии и север современных китайских провинций Хэбэй и Шаньси. С 1005 г. киданям ежегодную дань платила империя Сун.

такое положение дел угнетало Сынов Неба. Уезд Линъю, граничивший с Уляном, ежегодно подвергался разбойным нападениям тангутской конницы, и ситуация стала настолько угрожающей, что за год до того, как Хо Лян внес свое предложение на рассмотрение в Шумиюань,¹³ многие военачальники высказывались за то, чтобы уйти из Линъю.

Прежде всего Хо Лян перечислил контрмеры, выдвинутые его предшественниками, резко раскритиковал их недостатки и решительно отверг за невыполнимостью. Среди этих контрмер были предложения вывести войска из Линъю, впустить туда тангутов и развязать партизанскую войну, а затем напасть на Западное Ся. Хо Лян же заявил, что, если Линъю перейдет в руки тангутов, они тем самым расширят свои границы и, возможно, объединятся с другими западными племенами. Кроме того, лошади, которых разводили в Уляне, уже не достанутся Поднебесной. Поспешное нападение на врага сопряжено со множеством трудностей: на границах недостаточно ратников, не хватает припасов. Если на помощь выслать маленькие отряды, вражеское полчище легко перекроет им путь. Если же отправить туда многочисленную армию, то на плечи гражданского населения ляжет тяжелейшая повинность по обеспечению войск продовольствием. Если поднять на борьбу с тангутами народное ополчение, появится надежда на подписание вечного мира, но, с другой стороны, Западное Ся с его неистребимой жадой власти способно заключить союз с мелкими племенами, рассеянными по землям Уяна, и таким образом создать серьезную угрозу будущему Поднебесной. В общем, партизанская война неминуемо приведет империю Сун в ловушку, расставленную Западным Ся.

В конце доклада Хо Лян изложил собственные соображения по выходу из сложившейся ситуации: «Надобно построить крепость на плодородных равнинах рядом с тем местом, где тангуты могут разбить лагерь перед вторжением на наши западные земли. Дождаться появления их армии и лишь потом атаковать. До сего дня мы не сумели победить Западное Ся, потому что у нас не было возможности встретиться с их основной армией в открытом бою – тангуты вынуждали нас бросаться за ними вдогонку по пустыне, распыляя силы. Когда же враг выйдет с нами на битву, уничтожить его будет нетрудно. Коли тангуты не нападут, надобно построить вторую приграничную крепость и использовать наравне с первой в качестве форпоста с усиленным гарнизоном. Объединить обе эти крепости в монолитный оборонительный рубеж и управлять ими будет весьма сложно и накладно, однако что нам мешает прибегнуть к услугам обедневших местных жителей? Для защиты крепостей необходимо выбрать опытных военачальников, обучить простой люд ратному делу и в итоге победить врага». Таков был план Хо Ляна, предложенный тридцать лет назад.

Синдэ заговорил: «В те времена придворные советники и высокие чины из Шумиюань не послушали Хо Ляна – выбрали партизанскую войну. Из-за их недальновидности вопрос охраны границ по-прежнему остается без ответа. Глядя на то, что происходит ныне, я с сожалением понимаю, что все обернулось именно так, как предсказывал Хо Лян». Начав выступление в защиту плана старого полководца, Синдэ знал, что его голос дрожит от волнения. Он слышал, как опрокидывались скамеечки, топали ноги, раздавались сердитые возгласы, но был твердо настроен закончить свою речь. «Сейчас Западное Ся подчинило себе все местные варварские племена, тангутская империя набирает силу и скоро будет представлять огромную опасность для Поднебесной. По сей причине нашему государству приходится держать в боевой готовности огромную армию из восьмисот тысяч воинов, а это приносит казне великие убытки. Кроме того, пастбищные земли – места разведения лучших в мире лошадей – находятся в руках противника, и мы не в состоянии пополнять ряды нашей конницы...» Внезапно полог, закрывавший трон, качнулся. В следующее мгновение к Синдэ ринулись страж-

¹³ Шумиюань – Высший военный совет.

ники. Он попытался встать, но ноги отказались служить ему. Бедняга оцепенел от ужаса, потерял равновесие и упал.

В этот миг Синдэ проснулся – он лежал, уткнувшись носом в землю. Цзюйжэнь поспешно вскочил и огляделся: слепящие лучи солнца озаряли пустынную площадку. Он отряхнул пыль с ладоней и расправил одежды. Внутренний дворик, который недавно был полон соискателей, теперь опустел. Остался лишь глашатай.

– А экзамен? – полушепотом спросил Синдэ.

Чиновник презрительно нахмурился и ничего не ответил. Синдэ понял, что упустил возможность стать цзиньини¹⁴ из-за того, что заснул. Наверное, его выкликали по имени, но он не услышал...

Незадачливый цзюйжэнь вышел за ворота на тихие безлюдные улицы и принялся бродить по округе в полузабытии. Экзамен во дворце, пир с высокопоставленными чиновниками после сдачи, возможность облачиться в белые одеяния придворных вельмож, слышать, как к тебе обращаются «ваше превосходительство», – теперь ничего этого не будет, и все потому, что он имел глупость заснуть! На ум пришли строки Мэн Цзяо:¹⁵

Вдыхая весенний ветерок,
Мой конь ускоряет свой шаг.
Всего через один скоротечный день
Узрею я все пионы Чанъани.¹⁶

Он сочинил их в возрасте пятидесяти лет, в тот день, когда сдал наконец экзамен на степень цзиньини. Но для Синдэ не будет пионов – только безжалостное летнее солнце. Оно ослепило его, когда он стоял на улице, погруженный в отчаяние. Придется ждать еще три года...

Синдэ продолжил бесцельно идти вперед. Не успев опомниться, оказался на базаре за стенами города. С наступлением сумерек узкая дорога начала заполняться бедно одетыми людьми. По обочинам стояли лавки с едой – там продавали вареных и жареных цыплят и уток; в воздухе перемешивались тяжелые запахи сгоревшего масла, пота и пыли; под навесами покачивались куски копченой баранины и свинины. Синдэ понял, что проголодался, – он ничего не ел с самого утра. Пройдя несколько рядов, молодой человек наткнулся на толпу, перегородившую узкий проулок, подошел поближе и попытался разглядеть, что происходит. Он заметил голые ноги женщины, лежащей на толстой доске поверх деревянного ящика, и принялся пробираться сквозь толпу. Приподнявшись на цыпочки, рассмотрел саму женщину. Она была совершенно обнажена. Синдэ тут же отметил, что она не принадлежит к народу хань.¹⁷ Кожа у нее отличалась смуглостью, но было в женщине что-то чувственное, незнакомое. Синдэ увидел высокие скулы, заостренный подбородок и глубоко посаженные черные глаза. Он подошел еще ближе. Рядом с женщиной стоял голый по пояс свирепый мужчина с огромным ножом в руке и злобно косился на любопытствующих.

– Ну, какую часть вам отрезать? Продается! Продается! – Мужчина кровожадно ухмыльнулся.

Зеваки зашептались, не отводя глаз от странной сцены.

¹⁴ *Цзиньини* – третье, высшее ученое звание в Древнем Китае.

¹⁵ *Мэн Цзяо* (751–814) – известный китайский поэт эпохи Тан.

¹⁶ *Чанъань* – современный город Сиань в китайской провинции Шэньси; с 535 по 907 г. столица империи при династиях Западная Вэй, Северная Чжоу, Суй и Тан.

¹⁷ *Хань* (ханьцы) – самоназвание китайцев.

– Что это с вами? Никогда не встречал таких трусливых людишек! Неужто ни у кого не хватит смелости купить свежего мяса?

Никто не ответил. Тогда из толпы выступил Синдэ и спросил:

– В чем провинилась эта женщина? – Его охватило любопытство, он больше не мог сдерживаться.

Дикарь с ножом смерил Синдэ недобрым взглядом.

– Она из племени дансян.¹⁸ Эта развратная девка спала с мужчиной, а потом пыталась убить его жену. Я продам ведьму по частям. Если хочешь, отрежу тебе любую – ухо, нос, грудь, ляжку, все, что пожелаешь. Цена та же, что и на свинину.

Мужчина тоже не был ханьцем. Его глаза имели синеватый оттенок, а волосы на груди отливали золотом. На загорелых могучих плечах красовались причудливые узоры.

– Она признала свою вину и готова понести такое наказание?

На вопрос Синдэ ответила сама женщина:

– Да, готова. – Голос у нее был высокий и пронзительный. Когда она заговорила, по толпе пронесся ропот смятения.

Синдэ не мог понять: то ли тангутка смирилась со своей судьбой, то ли в ней просто пробудился дух противоречия.

– Эй вы, олухи! Долго еще будете стоять и глазеть? – рявкнул палач. – Если не можете выбрать, я вам помогу. Как насчет пальцев?

В следующую секунду в воздухе блеснул нож. Раздался глухой удар по дереву, и из груди тангутки вырвался странный звук, не похожий ни на крик, ни на стон. Увидев брызнувшую кровь, Синдэ подумал, что женщине отрубили руку. Но рука была цела – варвар отхватил ножом кончики двух пальцев на ее левой кисти.

Зрители ужаснулись и невольно отпрянули, расширив кольцо вокруг жертвы и палача.

– Хорошо, я куплю ее! – быстро выкрикнул Синдэ. – Куплю целиком!

– Да ну? – недоверчиво уставился на него варвар.

Пока они переговаривались, женщина села, опираясь на доску окровавленной рукой. Ее щеки пылали, когда она обратилась к Синдэ:

– Прости, но мы не продаемся целиком. Если хочешь купить меня, покупай по частям. – После этого она опять легла.

Сначала Синдэ не понял значения ее слов. Потом, сообразив, что тангутка неверно истолковала его намерения, смутился и поспешно проговорил:

– Я хотел сказать, что выкуплю тебя и ты сможешь пойти куда пожелаешь.

Он принялся торговаться с варваром. Поскольку других покупателей не было, они без труда сошлись в цене. Цзюйжэнь вытащил из-за пазухи нужную сумму и, бросив связку монет на землю, приказал освободить женщину. Жадно схватив деньги, варвар повернулся к тангутке и принялся осыпать ее оскорблениями на незнакомом языке. Она медленно поднялась на ноги. А Синдэ пошел восвояси сквозь толпу зевак, которые с изумлением таращились на него. Не успев далеко отойти, он услышал, как кто-то окликнул его, и обернулся. К нему бежала тангутка. На ней было грубое одеяние уроженцев северных земель, левая рука была забинтована. От потери крови лицо женщины побледнело.

– Я хочу отблагодарить тебя, незнакомец. Прошу, возьми вот это. Больше у меня ничего нет. – Она протянула спасителю небольшой кусочек ткани, сложенный вдвое.

Тряпица развернулась, и Синдэ увидел на ней странные символы, похожие на иероглифы, начертанные в три строки по десять знаков на каждой.

– Что это?

¹⁸ Дансян – китайское название тангутов.

– Я не умею читать, но думаю, что там мое имя и место рождения. Нам нужно это, чтобы войти в Ургай. Мне грамотка больше не понадобится, так что отдаю ее тебе.

Что такое Ургай?

– Ты не слышал об Ургэе? «Ургай» означает «Драгоценный город». Это столица Западного Ся. – Темные, глубоко посаженные глаза тангутки сверкнули.

– А откуда тот варвар? – полюбопытствовал Синдэ.

– Он уйгур. Из всех негодяев самый отвратительный. – Женщина вложила тряпицу в руку Синдэ и быстро растворилась в толпе.

Цзюйжэнь побрел дальше, чувствуя, что в нем произошла перемена. Он не мог понять, что именно изменилось, но какая-то часть его существа стала иной. Синдэ недоумевал, как он мог совсем недавно переживать из-за того, что проспал экзамен, – теперь его отчаяние, внушенное упущенной возможностью, выглядело нелепо. То, что произошло на рынке, не имело никакого отношения к знаниям и книгам. Малый жизненный опыт не позволял Синдэ осознать огромное значение случившегося, и все же то, что он только что увидел и услышал, потрясло его, перевернув ход мыслей и мировосприятие.

О чем думала эта молодая женщина из Западного Ся, лежа на доске? Неужели смерть была ей безразлична? Почему она не хотела, чтобы ее тело купили целиком? Из скромности? Синдэ не понимал варвара, который собирался продать человека по частям и мог безжалостно отрезать пальцы женщине. А она даже не дрогнула!.. Эти странные мысли будоражили воображение, и никак не удавалось от них избавиться. В ту ночь, вернувшись в свой дом, Синдэ вновь изучил подарок тангутки, приблизив его к свету. Всего несколько знаков из тридцати напоминали ханьские иероглифы, но в то же время и отличались от них. Он никогда прежде не видел подобных символов. Значит, это письменность Западного Ся, страны, породившей столь необыкновенную женщину... Раньше Синдэ не знал, что у тангутов есть своя грамота, служащая людям для общения друг с другом. Рассматривая кусок ткани, он вспомнил об одном седовласом чиновнике из Ведомства образования, который присутствовал в экзаменационном зале. Ему было около семидесяти, и молодому цзюйжэню тогда подумалось, что это очень мудрый человек, раз его избрали в экзаменационный совет. Да и судя по случайно подслушанным обрывкам разговоров, знания чиновника были весьма обширны. Синдэ много раз встречал его в зале и, хотя не был с ним знаком, решил, что сей ученый муж непременно сумеет расшифровать таинственные символы.

На следующий день Синдэ выяснил, что седовласый чиновник является главой Совета судей, и отправился к нему. Ужас от того, что он проспал экзамен, прошел. После третьей попытки пробиться в канцелярию цзюйжэню наконец позволили встретиться с мудрецом. Молодой человек показал старику тряпицу и попросил его прочитать написанное. Чиновник долго с хмурым видом разглядывал символы. Синдэ, не выдержав, объяснил, как этот кусочек ткани попал к нему. Тогда старик поднял глаза:

– Неудивительно, что я не сумел распознать эти письмена. Мне ведома грамота киданей и уйгуров, но я не слышал, что она есть у тангутов. Должно быть, ее придумали недавно. Как бы то ни было, эти знаки – всего лишь жалкое подражание ханьским иероглифам. Сами по себе они ничего не стоят.

Синдэ возразил:

– Но разве нельзя считать достижением уже то, что люди научились записывать слова и тем самым делиться знаниями, сохранять их для потомков? Если Западное Ся обретет могущество, то все книги с запада будут переводиться на язык тангутов, и культурные ценности, которые до сих пор проходили мимо них, станут оседать внутри границ империи.

Чиновник какое-то время молчал, потом сухо произнес:

– Не думаю, что нам стоит об этом беспокоиться. Вряд ли тангуты когда-либо обретут могущество.

– Но разве наличие письменности не доказывает, что они уже стали самостоятельным народом?

– Когда варвары начинают расширять границы своих владений, они тотчас принимаются подражать просвещенным людям и похваляться своими «достижениями». Тангуты – те же варвары. Их нельзя назвать народом, сравнимым с нами, подданными Сына Неба.

– Прошу прощения, но я не согласен с вами, почтенный господин. Уверен, тангуты станут великим народом. Как и предсказывал Хо Лян, когда-нибудь войска Западного Ся будут представлять большую угрозу для Поднебесной.

Синдэ не испытывал угрызений совести от того, что высказал свои дерзкие суждения вслух перед ученым мужем, проявив тем самым непочтительность. Сейчас его похвала Хо Ляну казалась ему весомее и важнее той, что прозвучала в недавнем сне. Даже простая женщина, увиденная им на рынке, обладала качеством, которое сделает тангутское государство великой империей. Это странное спокойствие перед лицом смерти не могло быть свойством лишь ее характера – подобно бездонным темным глазам, оно должно быть отличительной чертой всех ее соплеменников.

– В любом случае я сейчас занят, – холодно закончил аудиенцию чиновник.

Синдэ понял, что обидел его, и покинул дворец с уверенностью в том, что тангутская письменность не известна никому в Поднебесной.

Глава Совета судей не проявил внимания к грамоте Западного Ся, но у Синдэ не шли из памяти загадочные символы, попавшие к нему в руки. Во сне и наяву его преследовала их тайна. У молодого человека не было причин для дальнейшего пребывания в столице, но он никак не мог начать собираться домой. Его не смущало то, что он вернется бесславно, не сломила неудача. Стремление сдать экзамен через три года пропало – теперь у него появилась иная цель. Интерес к новой письменности возрастал, и Синдэ то и дело доставал тряпицу. Глядя на незнакомые символы, он мечтал прочесть их. Судя по словам тангутки, это был официальный документ в Западном Ся, служащий для удостоверения личности и для перемещений по тангутским владениям. Скорее всего, сами слова не имели большого значения, но для Синдэ они скрывали глубокий смысл, которого не было ни в одном из произведений ханьских мудрецов. И когда он сидел над книгами, в памяти то и дело всплывал образ дерзкой обнаженной женщины из племени тангутов.

О тангутах Синдэ почти ничего не знал. Наверное, в их северной стране властвует какая-то странная могучая сила, не поддающаяся определению, думал он. Ему захотелось поехать туда и увидеть все собственными глазами. Врожденная узость мышления ханьца чудесным образом, благодаря встрече с тангутской женщиной, превратилась в навязчивый интерес ко всему населению Западного Ся, и жизнь его перевернулась: Синдэ уже не мог избавиться от желания посмотреть на эту страну.

Глава 2

В первом месяце следующего, 1027 года Синдэ добрался до города-крепости близ Линчжоу. Сменилось шесть лун с тех пор, как он покинул в начале лета Бяньлян. В крепости размещался передовой гарнизон сунской армии, а в городе кипела и бурлила жизнь – улочки кишели воинами и недавно приехавшими из других краев поселенцами, так что трудно было себе представить, что всего-то несколько лет назад здесь царило запустение, не насчитывалось и трех десятков домишек. Примерно в десяти ли¹⁹ к северу располагался Линчжоу, бывший когда-то приграничным форпостом, основанным в эпоху Тан,²⁰ и главной ставкой военачальника Северной армии. Четверть века назад Линчжоу попал в руки тангутов.

К западу от сунского гарнизона располагались четыре штаба Западной армии и территория Улян, которая была освоена еще в пору правления У-ди²¹ и служила коридором, связывающим Китай с Центральной Азией. Со времен императоров династии Хань Китай управлял западными землями из этой приграничной крепости. Затем, много лет назад, ставку военачальника, контролировавшего Улян, перенесли в Лянчжоу,²² а когда в Шачжоу²³ было организовано китайское наместничество, все полномочия отошли к тамошнему правителю. В обоих случаях Улян находился под властью Поднебесной. Позднее эту землю занимали попеременно туфани и уйгуры, и она уже больше не принадлежала Китаю. К 1027 году отдельные племена объединились в маленькие царства. Больше всего своим могуществом гордилось государство тангутов, чей главный гарнизон располагался в Синцине.²⁴ В Лянчжоу хозяйничали туфани, в Ганьчжоу²⁵ – уйгуры, а Шачжоу удерживали ханьцы.

Синдэ не мог поверить, что, попав в эту северную приграничную крепость, в оплот сунской армии, он по-прежнему находится на земле Поднебесной. Здесь проживало очень мало ханьцев, их численно превосходили представители других народов, основавшие поселения у городских стен. По пути в гарнизон Синдэ проехал мимо семи таких укрепленных поселений, находившихся под властью сунского военачальника. Да и среди солдат было так много чужеземцев, что ему казалось, будто он находится в другой стране.

Последние полгода Синдэ изучал языки. Он познакомился с молодыми ханьцами, знавшими тюркские и тангутские наречия, и, путешествуя с ними, имел возможность упражняться, так что к концу пути уже вполне сносно объяснялся по-уйгурски, на языке тангутов и туфаней. Но ему так и не удалось еще раз увидеть тангутскую письменность. Те представители дансян, что проживали на земле Поднебесной, не могли считаться истинными тангутами. Да, в их жилах текла тангутская кровь, но, кроме происхождения, ничто не связывало их с людьми, которые недавно создали новое государство и чье могущество быстро возрастало. Тангуты, жившие за пределами своей страны, были всего лишь неграмотными крестьянами, изгоями из среды настоящих подданных Западного Ся. Так что тангутами их назвать уже было нельзя, да и ханьцами они так и не стали.

Синдэ снял каморку в храме в северо-восточной части города и поступил на службу в управу – составлял доклады о получении ежегодной дани и обязательной военной службе. Весной он собирался отправиться в Улян.

¹⁹ Ли – мера длины; в данном случае 1 ли составляет примерно 4 км.

²⁰ 618–907 гг.

²¹ У-ди (140 – 87 гг. до н. э.) – император из династии Ранняя Хань (202 г. до н. э. – 25 г. н. э.).

²² Лянчжоу – современный город Увэй в китайской провинции Ганьсу.

²³ Шачжоу – современный Дуньхуан.

²⁴ Синцин – столица Западного Ся, современный город Иньчуань в автономном районе Нинся-Хуэй.

²⁵ Ганьчжоу – современный город Чжанье в провинции Ганьсу.

Снег шел четыре дня в первом месяце, шесть дней во втором и три дня в третьем. Несмотря на зиму, в гарнизон по-прежнему то и дело прибывали одни полки, а другие покидали его. Синцин – столица Западного Ся – находился примерно в пятнадцати ли отсюда. Это был тот самый «Ургай», «Драгоценный город», о котором толковала тангутская женщина с базара в Бяньляне. В течение нескольких лет войска Западного Ся угрожали ханьской армии, отвечавшей им взаимной ненавистью, но сейчас тангуты были заняты переговорами с соседними племенами, заключали союзы, накапливали силы и пока не хотели ввязываться в войну с Поднебесной. В самой же Поднебесной опасались, что в случае открытого конфликта с тангутами может вмешаться самый страшный враг империи – кидани.

Страх страхом, однако осторожности и благоразумия он никому не прибавил: ситуация была настолько напряженной, что война между двумя государствами казалась неизбежной.

В один из дней ранней весны, когда солнце начало пригревать плодородные равнины вокруг города, Синдэ обратился к чиновнику из гарнизона за разрешением на пребывание в Лянчжоу. Зимой он уже столкнулся с уйгурскими купцами – те обещали взять его с собой. Через три дня после подачи прошения чиновник сообщил, что просьба отклонена, однако Синдэ просто необходимо было попасть в Лянчжоу, поэтому он решил рискнуть и тайне войти туда с одним из уйгурских караванов.

В Лянчжоу давно обосновался маленький ханьский клан Чжэбу, противостоявший туфаням. В крепостных стенах образовалось своего рода крошечное государство. В самом городе и вне его проживало около пятисот ханьских семей, вместе с другими племенами работавших на земле. Город располагался в восточной части области, название которой переводилось как «Западный край», – это был крупный торговый путь. Говорили, что нигде в мире нет такого количества животных, как в Лянчжоу. С древних времен город славился своими чистокровными лошадьми. Из-за этого среди местного населения и соседних племен часто вспыхивали распри – все стремились завладеть таким богатством. На эту землю также постоянно совершали набеги тангуты. В 1015 году воины Западного Ся одержали верх над лянчжоускими купцами и некоторое время безраздельно владели территорией. Однако местные жители при поддержке уйгуров атаковали армию тангутов, вынудив ее отступить. Несмотря на поражение, тангуты продолжали разбойничать в окрестностях Лянчжоу, сжигая дома и увозя лошадей. Остаться в тех землях надолго они не осмеливались по вполне понятной причине – знали, что тогда ханьцы обязательно нападут на них, поскольку сунская империя не пожелает расстаться с плодородными пастбищами. Таким образом, Лянчжоу был стратегически важным пунктом для ханьцев, тангутов и уйгуров. Конницы Поднебесной и Западного Ся нуждались в поставке лошадей, а уйгуры получали огромную выгоду, продавая их. Если бы между Сун и Ся разразилась война, то это случилось бы именно в Лянчжоу – так считал каждый знающий о положении на границах. Синдэ отказали в пропуске для входа в Лянчжоу, потому что тангуты в любой момент могли захватить город, а Поднебесная расширяла зону размещения своих войск, и лишние люди, болтающиеся под ногами, сунским военачальникам были не нужны.

Синдэ все это прекрасно понимал, но отказываться от воплощения своей мечты не желал. В Лянчжоу жили тангуты, ханьцы, представители других племен, и каждый имел право свободно путешествовать между этим городом и Синцином. Будучи ханьцем, Синдэ не мог отправиться прямо в столицу Западного Ся, но, попав в Лянчжоу, он сумел бы найти способ туда пробраться.

Как-то утром цзюйжэнь встал до зари и вывел лошадь из конюшни. Эта кобыла, купленная им в Ганьчжоу, была уже третьей по счету после отъезда из Бяньляна. Молодой человек принялся навьючивать на нее свои вещи. В эту минуту появился посланный из храма слуга и спросил, что он делает. Синдэ поглядел на парня, стоявшего, словно призрак, в полу-

мраке, подумал и честно признался, что хочет попасть в Лянчжоу, но подорожной у него нет, поэтому он собирается выскользнуть из города, смешавшись с уйгурскими караванщиками.

Слуга пришел в изумление.

– Если вас поймают, господин, не ровен час, отрубят голову, – сказал он.

– Кабы я боялся потерять голову, сидел бы смиренно, – отозвался Синдэ, который знал, что ему грозит опасность, но не испытывал страха. – Вместо того чтобы беспокоиться о моей голове, помоги лучше приторочить вещи к седлу. – Синдэ указал на мешки, лежавшие у его ног. Он не отличался физической силой, и ему было тяжело навьючивать лошадь.

Когда небо на востоке посветлело, цзюйжэнь присоединился к одному из караванов, выходивших из города. Там было двадцать верблюдов и тридцать лошадей. Синдэ ехал позади всех. У него не было подорожной, но он сумел выскользнуть за ворота, потому что уговорил караванщика подкупить стража отрезом ткани из Ханчжоу.

Караван шел на запад по равнинам. Сначала в пути попадались засеянные земли и деревья с набухающими почками, а к полудню путники ступили на бесплодную почву. Ветра не было, но за караваном вился столб пыли. К вечеру они достигли бассейна Желтой реки. Весь следующий день шли по течению Хуанхэ, а на третий добрались до плато горной цепи Холань. К полудню четвертого дня спустились с плато и оказались в плодородной долине, а на пятый их взорам открылась пустыня – впереди была самая трудная часть пути.

Два дня караван бороздил пески. Близ Лянчжоу барханы стали постепенно, с большой неохотой уступать место растительности. Ночью, когда уйгуры в последний раз разбили шатры на склоне холма, их разбудил шум – приближаясь, набирал силу конский топот. Синдэ выскочил из шатра и увидел сотни, а может, даже тысячи всадников. Луна еще не взошла, и в призрачном полумраке темные очертания воинов и боевых коней, скачущих к Лянчжоу, сливались в серый речной поток. Один за другим они проносились мимо.

– Битва! Битва! – закричал кто-то.

Удостоверившись, что конница растворилась в ночи, уйгуры, ждавшие затаив дыхание, сорвались с мест, быстро свернули шатры, сгрудились вокруг верблюдов и лошадей и, поеживаясь от холода, поспешно принялись навьючивать на сонных животных тюки с товарами. Когда караван собирался повернуть на север, подальше от Лянчжоу, люди вновь услышали далекий цокот копыт и ржание боевых коней. На этот раз всадники промчались вблизи каравана в другом направлении. Было неясно, где идет битва, – на севере или на западе. И никто не мог сказать, являлись эти две проскакавшие мимо конницы союзниками или врагами.

Весь день караван то и дело менял курс. Когда купцы поворачивали на юг, воины появлялись с юга, когда устремлялись на север – кони и всадники неслись оттуда. То же самое происходило с востоком и западом. Никто не понимал, какой стране принадлежали эти армии. Многие караваны столкнулись с подобными затруднениями: повсюду склоны возвышенностей пестрели шатрами – это перепуганные купцы пережидали боевую сумятицу.

Потратив целый день на бессмысленное блуждание по кругу, уйгурский караван тоже расположился на склоне холма, похожего на тот, где они ночевали накануне. Старейшины обсудили положение и решили продолжить путь к первоначальной цели – Лянчжоу. Поздней ночью длинная цепь верблюдов, лошадей и людей отправилась на запад. Как и прежде, то совсем рядом, то вдали слышался конский топот, но уйгуры уже не обращали на него внимания и упрямо шли дальше.

На рассвете все смешалось. Караванщиков неожиданно осыпал град стрел. Перепуганные лошади взвились на дыбы, верблюды дали стрекача. В разгар всеобщего смятения купец приказал своим помощникам бросить животных, поклажу и спасаться. Люди рассыпались по равнине, бегом припустили на запад. Только Синдэ не бросил свою кобылу – не мог расстаться с верной подругой, кроме того, к седлу были приторочены все его вещи – и побежал,

ведя лошадь под уздцы. Он бы предпочел скакать верхом, но не хотел стать мишенью для лучников.

Когда солнце поднялось высоко, Синдэ оказался на соляной дюне. В полуденных лучах песок переливался голубыми и белыми бликами. Молодой человек стреножил лошадь, разложил на тряпице скудный завтрак и принялся за еду. Вдруг он увидел бредущую по песку группу лошадей и верблюдов и решил было, что это караван, но двигались животные как-то странно – их никто не вел. Когда они приблизились, Синдэ подпрыгнул от удивления – это были те самые лошади и верблюды, которых уйгуры бросили утром на равнине! Из горба одного верблюда торчала стрела. Подойдя к молодому человеку, животные преспокойно остановились, будто нашли хозяина. Отдохнув, Синдэ тронулся в путь, возглавив длинный караван.

Весь день издалека долетали отзвуки битвы. Равнина горбилась холмами, и Синдэ казалось, что до Лянчжоу уже рукой подать, хотя на горизонте не было видно ничего похожего на город.

Наткнувшись в долине на окруженный деревцами родник, молодой человек остановил караван и решил устроить привал, несмотря на ранний час. Он был так изможден, что заснул прямо на траве под палящими лучами солнца.

Его разбудили жалобные крики верблюдов и ржание лошадей. Синдэ не знал, сколько времени прошло. Все вокруг тонуло в призрачном свете костров, снопы искр взвивались над пригорками, разрывая ночную тьму. На фоне красного пламени тела животных казались охваченными огнем. Шум сражения гремел где-то совсем рядом.

Синдэ вскочил на лошадь и поднялся на вершину ближайшего холма. Оттуда он увидел рвущийся к небу столб огня посреди широкой равнины. В свете пламени двигались вооруженные всадники. Там, дальше, шла битва между двумя армиями, но взору Синдэ открылась лишь маленькая батальная сценка – стройное наступление конницы. В одно мгновение из темноты вынырнули несколько отрядов, а в следующее – уже исчезли в ночи.

Внезапно вся округа озарилась еще более ярким светом. На холме по правую руку от Синдэ полыхнул, быстро разгораясь, второй гигантский костер. В тот же миг грянули яростные крики, совершенно не похожие на человеческие. Потом в долину между холмами хлынула волна всадников. Синдэ видел их так отчетливо, что мог разглядеть выражение лица всадников, пригнувшихся в седле. Теперь боевые кличи летели из-за каждого пригорка. Синдэ, ведя кобылу в поводу, поспешил к своему лагерю и дальше – прочь от кровавой сумятицы. Животные покорно последовали за ним. Ему хотелось поскорее улизнуть с поля битвы, но было слишком светло, повсюду кипели ожесточенные схватки, металась опьяненная кровью воины и кони. Синдэ в отчаянии искал укрытие, пытался раствориться в темноте, но, куда бы он ни кинулся, его встречала одна и та же картина: во мраке или в алом зареве скрещивались мечи, сверкали наконечники копий, воздух со зловещим свистом прошивали стрелы.

Когда Синдэ понял, что не сможет помочь ни себе, ни животным, он замедлил шаг и обреченно побрел куда глаза глядят, решив идти вперед и только вперед, никуда не сворачивая, не обращая внимания на препятствия. Это было не хуже, чем бесплодные попытки затаиться где-нибудь за холмом. Ведя кобылу за собой, Синдэ то погружался в угольно-черный мрак, то выбирался из тьмы на багрово-золотистые островки света, и все это время он продвигался, как ему казалось, на запад, взбирался на холмы, переходил через соляные болота. На пути попадались тела убитых воинов и конские трупы.

На рассвете Синдэ увидел вздымающиеся впереди высокие стены большого города. Над ними поднимались клубы черного дыма, затягивая небо непроницаемой пеленой, расцвеченной причудливыми узорами алого зарева. Синдэ пересчитал животных и позволил им

отдохнуть. Кроме кобылы, в караване набралось шесть верблюдов и двенадцать лошадей, вместе с ним переживших взбаламученную лязгом оружия ночь. Наступила тишина.

Синдэ растянулся на траве. У ворот строились войска, готовясь войти в город. За конными воинами следовала пехота, и армии потребовалось много времени, чтобы вступить за крепостные стены. Когда за воротами исчезли последние ратники, Синдэ отважился подвести свой караван к городу. Пройдя несколько шагов, он вновь остановился – перед ним возник отряд солдат. Было ясно, что они тоже собираются войти в город. Солдаты начали строиться. Молодой цзюйжэнь решил проскользнуть первым и еще раз быстро пересчитал лошадей и верблюдов, прежде чем вступить за большие каменные ворота.

За стенами крепости в ноздри Синдэ ударила тошнотворная вонь разлагающихся трупов, смешанная с обычными запахами битвы. От самых ворот бежала узкая улица, в конце которой было открытое пространство – площадь, заполненная воинами.

– Чья это армия? – задал Синдэ вопрос похожему на ханьца лучнику, который направился к нему.

– Что? – Лучник свирепо уставился на незнакомца.

Тут же к Синдэ подбежали три воина, крича на языке Поднебесной: «Освободи дорогу, деревенщина!», и тот послушно отвел животных в сторону, пропуская отряд, который только что видел у ворот города.

– Где мы? – обратился Синдэ к другому лучнику, стоявшему поблизости.

– Чего? – Лучник тоже сурово нахмурился.

В гарнизоне полыхал пожар, над маленькой рощей плясали языки пламени. Синдэ засмотрелся на причудливые клубы дыма, и в этот момент на него набросились солдаты, заломили ему руки за спину и куда-то потащили.

Улицы в городе были узкими и неровными. На безлюдной базарной площади царил беспорядок: прилавки разгромлены, снедь растоптана, утварь разбита. Дальше потянулись тихие жилые кварталы с рядами домов за высокими глинобитными стенами. Судя по всему, этот город до вторжения захватчиков был богатым, мирным, оживленным... Синдэ смотрел по сторонам, но везде видел только воинов – ни одного местного жителя.

Вскоре пленника втокнули во двор, обнесенный оградой. По двору были разбросаны домишки, напоминавшие походное солдатское жилье. Повсюду кишели ратники. Перед одним из строений Синдэ приказали остановиться и ждать.

Через несколько секунд его окружила толпа солдат. Все они были ханьцами, с тем же разрезом глаз и цветом кожи, что и у Синдэ, все понимали его язык, но, похоже, ничего не знали о великой империи Сун. Синдэ спросил у одного из лучников, откуда он родом, и тот назвал место, о котором молодой цзюйжэнь никогда не слышал. Словно оскорбленный невежеством пленника, лучник внезапно ударил его и отошел прочь. Синдэ завел разговор с другим солдатом, на этот раз более осторожно, но его вновь поколотили безо всякой причины. Какой бы вопрос ни пытался задать бедняга, в ответ получал одни зуботычины. Он не понимал, что происходит. На пороге дома появился мужчина лет двадцати восьми, по виду командующий, приблизился к пленнику и спросил его имя, откуда он родом и как попал в город. Синдэ честно отвечал, но каждый раз на него градом сыпались удары. В конце концов ноги у него подкосились, он упал и скрючился на земле, твердо решив молчать – ведь, судя по всему, его лупили за то, что он посмел говорить. После побоев с Синдэ сорвали одежду и облачили его в солдатскую форму. Теперь он ничем не отличался от других воинов. Потом его подвели к находящемуся поблизости дому. Здесь тоже толпились солдаты. Они сбились в группы по трое-четверо и ели стоя.

Синдэ приказали ждать в углу двора. Ратники вновь обступили его. Опасаясь, что они начнут драться, Синдэ хранил молчание. Неожиданно один из солдат подошел к нему и протянул миску лапши со словами:

- Ешь быстрее, мы скоро выступаем.
- Куда мы идем? – не удержался от вопроса Синдэ.

Но солдат ничего не знал об этом. Ему было известно только то, что впереди их ждет битва с уйгурами. Синдэ понял, что его силой забрали в армию и, похоже, никто не собирается ему рассказывать, где он находится и воинами какой страны окружен.

В ту ночь новобранцу не пришлось участвовать в бою с уйгурами – вместо этого ему с десятью другими ратниками приказали охранять лошадей и пастбища за стенами города. Тогда Синдэ узнал, что его отряд состоит исключительно из ханьцев и является подразделением передовой армии Западного Ся. Выяснилось также, что занятый войсками город и есть Лянчжоу, тангуты его захватили всего за три дня, а прошлой ночью в окрестностях разыгралась битва между ними и уйгурами, которые поспешили на помощь ханьскому гарнизону.

С начала 1027 года и до весны следующего Синдэ служил простым солдатом в ханьском отряде армии Западного Ся.

В Лянчжоу теперь были расквартированы только военные. Из бывших горожан те, кто мог сражаться, влились в ряды тангутского воинства, а немощных стариков, женщин и детей новые власти вывели за крепостную стену и принудили работать на земле или пасти скот на плодородных пастбищах.

Земли в Лянчжоу были очень богатыми. За чертой города на много ли простирались распаханые поля. Таким образом, в руках тангутов оказались богатейшие угодья к западу от Желтой реки, на которые давно засматривались многие правители. Лянчжоуские скакуны считались лучшими в мире – с ними не могли сравниться даже лошади из сунской провинции Ганьчжоу. Что уж говорить о тех, что разводили на землях Цзинь и Вэй – они были сильными и выносливыми, но бегали медленно и для ратного дела не годились. С северной стороны Лянчжоу пастбища тянулись до самого горизонта. Взобравшись на городскую стену, можно было увидеть бесчисленные табуны, пасущиеся вдаль. Для ухода за ними требовалось много людей, поэтому, заняв Лянчжоу, тангуты не причинили вреда ни одному местному жителю – они призвали на военную службу здоровых мужчин, а остальных горожан отправили трудиться в поле или ухаживать за лошадьми.

Но такая судьба была уготована не только лянчжоусцам – сами тангуты жили по тем же правилам. Когда тангутским юношам исполнялось пятнадцать лет, их призывали в армию, где либо ставили в строй, либо давали простую физическую работу в обозах. Все воины на службе Западного Ся получали коней и вооружение за счет государства и были полностью экипированы. Тех, кого не забирали в солдаты, отправляли возделывать поля подле Лянчжоу или Ганьцина.

Известно, что Лянчжоу захватили пятьсот тысяч воинов регулярной армии Западного Ся. Кроме них, были еще войска, набранные из взятых в плен представителей побежденных племен. Сто тысяч таких ратников стояли в Лянчжоу и двести пятьдесят в Синцине. Еще семьдесят тысяч солдат патрулировали приграничные области.

Полк, к которому приписали Синдэ, являлся авангардом тангутского воинства, состоявшего из тщательно отобранных ханьцев. Во время войны ханьские отряды всегда отправлялись на передовую. В полк, как правило, принимали только самых храбрых и опытных молодых людей из числа бывших пленников и жителей захваченных областей, невзирая на их происхождение или место рождения. Синдэ попал в Лянчжоу на следующий день после битвы и был зачислен именно в передовой отряд по чистой случайности. Ежедневно вместе с другими ратниками он проходил военную подготовку за стенами города. Молодой цзюйжэнь был хрупкого сложения, но серьезно относился к этим упражнениям, ибо понимал: если военачальники решат, что солдата из него не выйдет, его отправят на другой берег Хуанхэ для расчистки полей, а он предпочитал, несмотря на все тяготы жизни, оставаться в Лянчжоу.

В течение того года Синдэ принял участие в трех битвах с ганьжоускими уйгурами. В первых двух он был тяжело ранен, потерял сознание, но сумел удержаться в седле и вернуться к своим. Все тангутские воины пристегивали себя к лошадям металлическими обручами, чтобы в случае гибели не упасть на поле брани. Выдрессированные боевые скакуны всегда возвращались в лагерь после битвы, неся на себе мертвых и раненых всадников.

Задачей Синдэ было прикрепить к седлу ручницу и мчаться сквозь вражеские ряды, осыпая их градом камней. Он был недостаточно силен, чтобы на скаку управлять с более тяжелым оружием, но для использования этой пушки не требовалось развитой мускулатуры.

Хрупкое сложение даже помогало ему. Во всех трех битвах Синдэ прижимался к шее лошади, не смотрел по сторонам и думал лишь о том, чтобы метко выстреливать камнями. Даже самому отважному воину было бы нелегко прорвать уйгурский строй, но лошадь несла легкого седока вперед без остановки. И каждый раз молодой цзюйжэнь терял сознание и приходил в себя уже в лагере, когда товарищи стаскивали его с седла. Он не знал, как ему удавалось вернуться, каким образом верный боевой конь пробивался сквозь ряды противников.

В третьей битве Синдэ тоже был ранен и очнулся только после перевязки. Он не помнил, как стрела уйгурского лучника вошла в его тело. Возможно, это случилось, уже когда он потерял сознание от бешеной скачки и запаха крови... Так или иначе Синдэ пришел к выводу, что участвовать в битве не так уж страшно. Расстреляв все камни, он мог впасть в забытие или делать что душе угодно, полагаясь в остальном на судьбу, – лошадь сама несла его обратно в лагерь.

В свободное время между сражениями Синдэ бродил по округе в поисках того, кто владел бы тангутской письменностью, но ни один солдат из его отряда не мог прочитать символы на заветной тряпице. Никто даже не знал, есть ли вообще у тангутов письменность. Это могло быть известно кому-то из военачальников, но, будучи простым солдатом, Синдэ не надеялся, что у него появится возможность потолковать с высшими чинами, а командиры рангом пониже, к которым он имел право обратиться, не умели читать даже по-ханьски, не то что по-тангутски.

Синдэ полагал, что письменность наверняка используется в Синцине, где находятся правительственные ведомства и многие купцы, местные и чужеземные, ведут свои дела. К сожалению, в приграничном гарнизоне, таком как Лянчжоу, крючоктворству не было места в повседневной жизни.

Весной 1028 года в полку поползли слухи, что скоро начнется наступление на Ганьчжоу. Все понимали, что это неизбежно. Для тангутов, уже занявших земли вокруг Синцина и Лянчжоу и вторгшихся на территорию Поднебесной для захвата Линчжоу, было вполне естественно избрать следующей мишенью Ганьчжоу – столицу маленького уйгурского царства, которое при малейшей возможности выступало против тангутов. Синдэ тоже предчувствовал, что осада Ганьчжоу состоится не сегодня завтра.

К концу третьего месяца за стенами Лянчжоу возникло оживление. Каждый день со всех сторон подтягивались новые отряды. Ночью с городской стены можно было увидеть бивуачные костры, растянувшиеся на много ли к юго-востоку. Полки, расквартированные в городе, получили приказ привести в порядок оружие и доспехи. В начале четвертого месяца все войска собрались на поле за городом – на смотр армии прибыл сам Ли Юань-хао, главнокомандующий и старший сын тангутского правителя Ли Дэмина. К делу главнокомандующий приступил с чувством, с толком, с расстановкой. В итоге до отряда, состоявшего из ханьцев, очередь дошла не скоро, так что и Синдэ, и его товарищи простояли на плацу с раннего утра до самых сумерек.

Желтое солнце клонилось к горизонту, и поле, крепостная стена, оазис, простиравшийся на востоке, равнины на западе были залиты кроваво-оранжевым сиянием. Цзюйжэнь

эню, который раньше лишь слышал о Юань-хао, а теперь видел его впервые, молодой военачальник – ему было лет двадцать пять – показался очень величественным. При росте чуть больше пяти сяку²⁶ и хрупком телосложении осанкой он обладал поистине царственной и весь был алым в лучах заходящего светила.

Медленно вышагивая вдоль строя, Юань-хао осматривал каждого воина с ног до головы. Оглядев одного, он едва заметно улыбался ему, прежде чем перейти к следующему. Эта ласковая улыбка трогала сердца солдат, а горящий тайным огнем взгляд государева сына поражал, завораживал, да так, что все до единого чувствовали в себе готовность с радостью умереть за своего предводителя. Когда очередь дошла до Синдэ, он, неожиданно для самого себя, вспылал тем же стремлением отдать жизнь за Юань-хао. И столь же неожиданно ему показалось странным, что он способен не раздумывая броситься в бой и погибнуть ради чужого правителя, вана Западного Ся. А еще было непонятно, почему эта мысль его ничуть не встревожила...

После смотра солдаты вернулись в город, и Чжу Ванли, командующий ханьским полком из трех сотен всадников, призвал к себе Синдэ. Этот полководец, которому было немногим за сорок, совершил несметное число героических поступков, и его храбрости мог позавидовать даже самый отчаянный рубака из передового отряда.

– Твое имя должно быть на доспехах. – Чжу Ванли критически оглядел обмундирование Синдэ. – Это оно? – спросил он, указывая на три иероглифа. – Здесь написано «Чжао Синдэ»?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Если б я умел читать и писать, добился бы большего успеха в жизни. Несмотря на всю мою доблесть, отсутствие образования мешает мне выдвинуться... А ты, стало быть, грамотей. Вот и славно. Станешь зачитывать мне приказы главнокомандующего.

– Рад стараться, ваше превосходительство! – гаркнул Синдэ, решив, что знакомство с полководцем столь высокого ранга не будет лишним.

– Вот, начнем с этого. – Чжу Ванли развернул свиток, который держал в руках.

Синдэ подошел поближе. Знаки были не ханьские. Тангутский! Язык, похожий и одновременно не похожий на ханьский... Синдэ изо всех сил вглядывался в таинственные знаки, но так и не сумел ничего понять. Когда он признался Чжу Ванли, что не может прочесть приказ, потому что тот написан не по-ханьски, полководец смерил его презрительным взглядом и сердито буркнул:

– Хочешь сказать, что ты только по-ханьски разумеешь? С тобой все ясно. Ступай!

Синдэ не повиновался.

– Это письменность тангутов, ваше превосходительство. Если вы сведете меня с кем-нибудь, кто знает ее, я сумею перевести приказ за два-три дня. Мне давно уже хочется изучить язык тангутов, я мечтаю попасть в Синцин. Если вы мне позволите, думаю, я смогу вам помочь.

– Мм. – Глаза Чжу Ванли блеснули. – Хорошо, если ты не погибнешь в следующей битве, я попрошу главнокомандующего позволить тебе изучать язык тангутов. Я человек слова и, если мы оба останемся в живых, исполню свое обещание. Помни об этом!

Синдэ спросил у полководца, как он прочел его имя на доспехах, если не знает грамоты.

– Это не я, а его светлость Юань-хао, – загадочно ответил Чжу Ванли и ничего не стал объяснять.

После этого случая Чжу Ванли время от времени призывал Синдэ к себе и давал ему разные поручения. Полководец заинтересовался простым ханьским солдатом, потому что тот умел писать и читать. Кажется, он даже проникся уважением к молодому цзюйжэню.

²⁶ Сяку – японская мера длины, равная 30,3 см.

В середине пятого месяца Юань-хао повел армию к Ганьчжоу – уйгурскому гарнизону. Ночью, накануне того дня, когда ханьский конный полк должен был выступить в поход, Чжу Ванли вновь вызвал Синдэ.

– Я позволю тебе присоединиться к моему полку. Мои всадники еще не проиграли ни одной битвы. Большая часть погибнет, но выжившим достанется победа. Я оказываю тебе великую честь, солдат, ты должен это понимать.

Синдэ, однако же, принял предложение довольно равнодушно. Чжу Ванли продолжил:

– Если мы выиграем следующее сражение, я хочу возвести памятник в честь моего полка. Ты напишешь на нем поминальное слово.

– Где ваше превосходительство собирается его поставить?

– Пока не знаю, возможно, в пустыне или в какой-нибудь деревушке близ Ганьчжоу. Если мы победим слишком дорогой ценой, то возведем памятник прямо на поле брани.

– А что, если мы тоже погибнем?

– Мы? Ты имеешь в виду себя и меня? – Проницательные глаза Чжу Ванли прищурились. – А и верно. Даже я могу погибнуть. Если это случится, памятник поставишь ты.

– А если погибну я?

– Это усложнит задачу. Постарайся выжить... Впрочем, старание тут не поможет. Каждый, кто говорил со мной накануне битвы, погибал... Да, ты тоже можешь умереть.

Синдэ эти слова пришлось не по душе, но мысль о смерти не очень-то испугала его. Когда он спросил, на каком языке должна быть памятная надпись – на ханьском или тангутском, – Чжу Ванли захохотал:

– Вот дурень! Конечно, на ханьском. Мы же не тангуты. Их язык годится лишь для оглашения приказов.

Поговаривали, что раньше Чжу Ванли был офицером сунской армии в Лянчжоу и сдался в плен, когда город захватили тангуты. С тех пор он всегда служил в передовом полку их воинства. Разумеется, это были всего лишь сплетни – никто не осмеливался спросить Чжу Ванли напрямую. Но он определенно стыдился своего прошлого и, если кто-нибудь напоминал ему об этом, приходил в дикую ярость.

Синдэ нравился этот немолодой герой.

Глава 3

рассвета до рассвета армия Западного Ся покидала Лянчжоу. Двести тысяч ратников были разделены на десяток войск, выходивших за каменные ворота с интервалом в один или два часа, так что целый день и всю ночь нескончаемый поток солдат катился по плодородным землям на запад. Конечной целью этого марш-броска был Ганьчжоу. В авангарде каждого войска ехали всадники, за ними длинной цепью тянулась пехота, замыкали шествие обозники с сотнями верблюдов, нагруженных запасами продовольствия.

Синдэ в составе авангарда покинул город одним из первых. Более половины передовых отрядов состояли из ханьцев, в остальных служили тангуты, аша и представители других племен. Вскоре на равнинах все чаще стали попадаться проплешины песка, каменистые участки перемежались соляными болотами, и после полудня продвижение вперед значительно затруднилось.

Расстояние от Лянчжоу до Ганьчжоу составляло семьдесят с лишним ли. Между этими городами струились реки с истоками в горах Цилян, орошали пустынные земли и создавали оазисы. В первую ночь ханьский полк разбил лагерь у кромки вод Цзямбы, вторую провел на Даньшани, а третью – на каменистом берегу безымянной реки вблизи гор. До самой зари уныло завывал ветер. Наутро четвертого дня войска добрались до русла Шуймо, а на следующий день вошли в ущелье, с севера и юга укрытое от взоров хребтами.

На шестой день пути, за горным перевалом, тангутская армия остановилась на привал. Отсюда дорога до Ганьчжоу бежала по ровной местности. Отдохнув, воины восстановили походный порядок и снова двинулись в путь. Они шли по пустыне, где не было видно ни одного деревца; на седьмую и восьмую ночь разбили шатры на берегу мутной желтой реки, которая глубоко врезалась в такие же желтые плато. С этого дня на ночь стали выставлять караулы.

На девятый день вернулись разведчики, высланные вперед двое суток назад, и сообщили о приближении уйгурской армии. Воины взяли в руки оружие. На утро десятого дня дозорные увидели скопления черных песчинок, стремительно скользивших широкой лентой по склонам пологого холма, – это были уйгуры. Как только враг был обнаружен, тангутские военачальники отдали приказ идти в атаку. Первые пять отрядов передового войска разбились на шеренги по двадцать всадников в каждой. Пехота и обозники остались позади.

Армии помчались навстречу друг другу по волнистым пескам. Три конные сотни Чжу Ванли, над которыми реяли желтые треугольные знамена, возглавили наступление.

Вскоре черные песчинки увеличились в размерах и приобрели очертания всадников. Словно повинувшись странному притяжению, два воинства неотвратимо неслись к одной точке. Загрохотали барабаны. Синдэ ослепила пыль из-под копыт скакавших впереди лошадей. Он отпустил поводья. Воздух огласили боевые кличи, засвистели стрелы и камни. Передовые полки столкнулись, тангутские сотни прорвали ряды противника. Опьяненные запахом битвы воины принялись наносить врагам удары.

Справа и слева к Синдэ мчались уйгуры, накатывали приливной волной. Все они побросали поводья, привстали в седле, сжимая коленями бока коней, и одну за другой выпускали стрелы из лука.

Как и прежде, Синдэ прижался к шее своего скакуна и принялся расстреливать врагов камнями из ручницы. Вокруг него жужжали арбалетные болты, гремели яростные крики, жалобно ржали раненые лошади, все заволкло клубами пыли. Под градом стрел и ядер всадники сталкивались, кони ломали ноги, падали на землю, расплющивая седоков – живых и мертвых. Синдэ решительно пробивался вперед, но одна и та же сцена кровавой битвы преследовала его повсюду.

Внезапно он заметил, что вокруг посветлело, как будто незримая сила вынесла его из угольно-черного мрака пещеры на яркий солнечный свет. Синдэ оглянулся – Чжу Ванли, с налитыми кровью глазами, с кроважидным оскалом, летел за ним по пятам на огромном вороном жеребце и рубил мечом направо и налево.

Ханьские конные сотни прорезали линию уйгурского авангарда, затем, словно огромное сито, просеяли сквозь себя центральные и замыкающие ряды противника и вырвались на простор. Все происходящее на оставшемся за спиной поле боя стало казаться Синдэ мимолетным видением. Всадники во главе с Чжу Ванли собрались большим полумесяцем на обозначенной холмами кромке поля боя, где по-прежнему сражались две армии. Синдэ загнал своего коня повыше на склон и замер от изумления – вдалеке передовой отряд вражеской конницы, пробивший ряды тангутов, построился таким же полумесяцем, люди и лошади замерли и внезапно, в едином порыве, опять устремились в самое пекло. И вновь авангарды обоих полчищ понеслись друг к другу, словно притягиваемые огромным магнитом, расстояние между ними стало стремительно уменьшаться. Мгновение, еще одно – и они сошлись в схватке. Синдэ оказался в центре ревущего, качающегося, кровавого лабиринта. На этот раз вокруг кипел жестокий рукопашный бой, раздавались свирепые вопли, сверкали мечи. Потоки всадников слились, перемешались. Отбросив ручницу, Синдэ выкрикнул что-то неразборчивое, выхватил меч и, пришпорив коня, ринулся на бесконечные ряды уйгуров. А потом он, как и прежде, перенесся из кровавой тьмы в умиротворяющее море света. Сияло солнце, Синдэ был на склоне холма, ввысь поднимались клубы пыли, в лазурном небе плыли облака. Рядом были люди, тангутские и ханьские воины, но их строй значительно поредел, осталась лишь небольшая горстка уцелевших в битве, и среди них – всего десяток знакомых лиц... Синдэ пытался найти Чжу Ванли, но нигде не видел его. Внизу, в долине, шеренги всадников скакали в разных направлениях, пересекаясь друг с другом, словно шелковые нити, которые прядильщицы тянут из коконов. Казалось, поле битвы и всадники живут своей жизнью, не замирая ни на минуту.

Отряд Синдэ вновь был на некотором удалении от поля боя и строился огромным полумесяцем. Выжившие в третий раз искали врага, но его уже не было видно – уйгуры больше не осмеливались атаковать.

Оставив позади место, где продолжался рукопашный бой, и первое поле брани, где еще кипели смертельные схватки, отряд Синдэ направился на запад. Отъехав на изрядное расстояние, всадники укоротили поводья. Когда лошадь встала как вкопанная, Синдэ, которого оставили последние силы, начал валиться на землю. Голубое небо и широкая белая пустыня поменялись местами, он повис вниз головой, чувствуя, что вот-вот сознание померкнет, и вдруг краем глаза заметил, что к нему приближается огромный воин с забрызганным кровью лицом. Великан заговорил с Синдэ, глядя на него сверху вниз:

– Значит, ты уцелел!

Голос показался странно знакомым. Это был Чжу Ванли.

– И вы, как вижу, ваше превосходительство, – прохрипел Синдэ.

Чжу Ванли усмехнулся:

– На кого ты похож! – и помог ему вернуться в седло.

– Я рад, что вы живы, – признался Синдэ, с искренней радостью глядя на своего командира.

– Я тоже. Но это ненадолго. Соберем отряд смертников и войдем в Ганьчжоу. Я буду в этом отряде и позволяю тебе присоединиться к нам.

Крики, доносившиеся с поля боя, становились все тише и слабее. Потом из числа уцелевших военачальники отобрали три тысячи всадников, приказав им немедленно идти на Ганьчжоу. Чжу Ванли встал во главе пяти конных сотен, и Синдэ оказался у него в подчинении. Когда войска тронулись в путь, он, словно во сне, покачивался в седле, к которому

был по-прежнему пристегнут. Подходя к берегу ручья или реки, воины останавливались на короткий привал, и каждый раз во время отдыха Чжу Ванли приносил Синдэ воду. Войска шагали всю ночь, приказ разбить лагерь был дан, лишь когда они достигли оазиса. В серебристом свете луны простирались грушевые и сливовые сады. Спешившись, Синдэ упал на землю и заснул как убитый, а проснувшись утром, обнаружил, что их окружают многочисленные оросительные каналы и возделанные поля. Вдали виднелись высокие каменные стены. Это был Ганьжоу.

В час, когда предрассветный воздух особенно прозрачен и свеж, тангутская конница подскочила к крепостным воротам, и лучники осыпали город мириадом стрел. В ответ – тишина. Атака повторилась – и вновь ни малейшего намека на сопротивление.

Чжу Ванли подошел к сидевшему на земле Синдэ. Лицо полководца, запачканное кровью, выглядело столь же зловеще, как и вчера, но было невозможно понять, его это кровь или убитых врагов.

– В город ворвется отряд из пятидесяти смертников. Ты тоже пойдешь со мной.

Добровольцы поползли к крепостной стене. Обнажив мечи, подкрались к воротам и беспрепятственно проникли в город. Взорам открылся пруд с чистой водой, две лошади стояли на берегу, и... ни уйгурских солдат, ни мирных жителей. Поблизости виднелось несколько домов за глинобитными стенами, каждый дом обступали деревья с густой листвой.

Захватчики углубились в город. Огибая углы оград и строений, они вытягивались в шеренгу. По приказу Чжу Ванли Синдэ возглавлял отряд. Домов становилось все больше, но по-прежнему нигде не было ни души. Только однажды в отряд полетела стрела и ранила лошадь – значит, в городе кто-то все же остался...

Каждый раз, подъезжая к развилке, Синдэ предоставлял лошади самой выбирать путь. Воины приподнимались в седле, заглядывали за ограды, входили в жилища, но так никого и не встретили.

Чжу Ванли велел Синдэ пришпорить коня. За ним по городу галопом неслись пятьдесят безудержных захватчиков. Незримые противники выпустили в них еще две стрелы, которые неуклюже вонзились в землю. Стреляли с большого расстояния. Похоже, все жители Ганьжоу, за исключением горстки самых отчаянных, бежали, бросив добро и землю, которую возделывали много десятилетий.

– Надо подать дымовой сигнал. Полезай наверх, подожги волчий помет, – приказал Чжу Ванли.

Сообразив, что полководец обращается к нему, Синдэ спешил. Они стояли на площади у городской стены рядом с восточными воротами. К гребню стены вели выбитые в камне ступени, на самом верху возвышалось круглое строение, напоминающее маяк, – сторожевая башня с сигнальной вышкой. Синдэ, закинув за спину мешок с волчьим пометом, стал взбираться на стену. На высоте примерно двадцати сяку перед ним открылся панорамный вид на равнины, окружавшие Ганьжоу.

– Пригнись! – крикнул снизу Чжу Ванли.

Но Синдэ не желал прятаться. Страх смерти совершенно исчез. Вначале сторожевая башня показалась ему совсем маленькой, но теперь, стоя на гребне стены, он понял, что ошибался: до сигнальной площадки под круглой крышей было около тридцати сяку. К тому же башня оказалась двухъярусной: внизу было небольшое помещение, в котором могли разместиться два или три человека; там находился огромный барабан. Шаткая бамбуковая лесенка вела на второй ярус. Взбравшись по ней, Синдэ замер. На сигнальной площадке сидела на корточках молодая девушка. Тонкое лицо, нос с изящной горбинкой, огромные, темные, глубоко посаженные испуганные глаза... Синдэ догадался, что в жилах незнакомки течет

ханьская и уйгурская кровь. На ней было одеяние с узкими рукавами, открытым воротом и юбкой в складку. С первого взгляда становилось ясно, что это не простолюдинка.

Прежде чем ступить на площадку, Синдэ ободряюще произнес по-ханьски:

– Не бойтесь. Я не причиню вам зла. – Затем он повторил то же самое по-уйгурски.

Неизвестно, поняла его девушка или нет, только она ничего не ответила и продолжала глядеть на воина в запыленных доспехах тангутской армии.

Синдэ высыпал сухой волчий помет на пол и поджег. Воздух тут же наполнило злобное, от костра повалил черный дым; когда он струей выскользнул из-под навеса и устремился ввысь, Синдэ поджег вторую горку помета, затем еще одну и так до тех пор, пока над крышей не взвилось пять дымов, подавая главной армии и другим тангутским войскам знак, что передовой отряд захватил город. Покончив с этим, Синдэ повернулся к девушке:

– Ничего не бойтесь. Оставайтесь здесь. Я скоро вернусь и отведу вас в безопасное место. Вы, должно быть, дочь купца?

Очевидно, девушка все-таки понимала ханьский, потому что едва заметно покачала головой.

– Ваш батюшка – чиновник?

И вновь она покачала головой. Внимание Синдэ привлекли два ожерелья на ее шее.

– Вы знатного происхождения? Девушка молча смотрела на него.

– Кто же ваш отец? – не отступался он.

На этот раз она прошептала:

– Младший брат правителя.

– Правителя?!

Синдэ с новым интересом взглянул на девушку. Если ее отец – брат правителя, значит, она принадлежит к царской семье... Оставив таинственную царевну в башне, он спустился на гребень стены, а потом на площадь, где уже строились ханьские воины под предводительством Чжу Ванли.

– Ты первым вошел в город, возглавил разведотряд и, рискуя жизнью, подал дымовые сигналы. На днях я отправлю в ставку главнокомандующего прошение, чтобы тебя назначили начальником трех десятков всадников, – торжественно произнес Чжу Ванли, обращаясь к Синдэ – единственному уцелевшему воину из передовых рядов его конницы.

Ханьский отряд смертников, не потерявший ни единого бойца, расположился на отдых в ожидании, когда в город войдут тангутские войска. Чжу Ванли приказал пятерым солдатам раздобыть вина и лапши, потом послал еще пятерых обыскать ближайшие дома: вдруг там спрятались женщины. А Синдэ между тем тихо сидел в сторонке на камне, время от времени поглядывая на башню, где пряталась уйгурская царевна. Он думал, как с ней поступить, долго не мог принять решения и наконец пришел к выводу, что ему ничего не остается, кроме как рассказать о девушке Чжу Ванли и просить его помощи. Но Синдэ почти ничего не знал о полководце, кроме того, что тот дружески относился к нему и проявлял небывалую отвагу в битве.

Три тысячи тангутских ратников, стоявших за крепостными стенами, вошли в Ганьчжоу. Солдаты получили вольницу и теперь, впервые за много дней, могли делать все, что пожелают. Они рыскали по опустевшему городу, точно стая голодных волков; найдя богатые одеяния, с шутками и прибаутками напяливали их поверх доспехов и дурачились друг перед другом, а наткнувшись где-нибудь на сосуды с вином, разбивали их и жадно глотали пьянящую влагу, как воду. Лишь когда на Ганьчжоу опустились сумерки, разгул постепенно начал затихать.

Синдэ в этом веселье участия не принимал – с полудня и до наступления ночи он просидел у крепостной стены напротив сигнальной вышки и все время был начеку, чтобы помешать какому-нибудь шатающемуся по городу вояке подняться на сторожевую башню.

Отлучился он со своего поста лишь однажды, чтобы отыскать подходящее убежище для высокородной девушки. Синдэ заходил в разные дома, но ни один не годился для этой цели. Наконец рядом с большим особняком он нашел хижину, предназначавшуюся, очевидно, для хранения запасов пищи. Там был большой погреб, в котором могли бы свободно разместиться два или три человека. Синдэ решил, что это как раз то место, где царевна будет в безопасности, и отнес в погреб несколько циновок.

Поздно ночью он выскользнул из храма, где расположился на отдых отряд смертников из пятидесяти человек, который первым вступил в город. Небо было усеяно тысячами звезд, но ночь была такой темной, что молодой человек с трудом различал землю у себя под ногами. Ему понадобилось довольно много времени, чтобы добраться до места своего дневного дежурства, а оттуда он начал на ощупь пробираться к крепостной стене. Осторожно поднявшись по лестнице, Синдэ увидел сотни огней, рассыпанных по равнине, – там разбили лагерь основные войска Западного Ся. Он думал, что при свете костров сумеет различить очертания солдат и лошадей, но все пространство между очажками пламени было погружено во тьму, с которой неразрывно слились земля, кусты, живые существа.

Синдэ взобрался на сигнальную площадку сторожевой башни. Там тоже царил мрак, поглотивший стройную фигурку девушки. Похоже, она сидела в той же позе, что и днем. Синдэ велел ей следовать за ним в безопасное место. Но царевна не пошевелилась. Нарушив долгое молчание, она наконец заговорила по-ханьски своим ясным голосом, заявила, что хочет остаться здесь, потому что уже не боится смерти. Синдэ понял: девушка не доверяет ему, и попытался успокоить бедняжку, объяснить, что нашел надежное убежище и намерен проводить ее туда. Еще раз позвав царевну за собой, он принялся спускаться по лестнице. Девушка, поколебавшись немного, все же последовала за ним. Глаза Синдэ привыкли к темноте, и теперь он отчетливо видел свою спутницу. Она оказалась намного выше, чем он ожидал. Синдэ запретил девушке говорить и велел ни при каких обстоятельствах не отходить от него. Оставив позади равнину с разбросанными по ней огнями костров, он медленно спустился с городской стены, осторожно нащупывая ногами ступеньки. Царевна неслышно шла за ним по пятам. Синдэ пересек площадь, прошмыгнул по улице, обогнул два угла и свернул в ворота дома, который отыскал днем. За глинобитной оградой был большой сад. Там Синдэ пропустил девушку вперед, указав на тропинку, ведущую к хижине, у дверей предложил ей войти, но она так и не решилась переступить порог – внутри было очень темно, да и присутствие воина тангутской армии все еще нагоняло на нее страх. Синдэ отдал девушке свою дневную порцию лапши с луком и посоветовал переночевать на лежанке, а с рассветом спуститься в погреб – подальше от посторонних глаз. Затем торопливо добавил, что ему пора в казарму, поскольку понимал: пока он рядом, девушка не осмелится войти в хижину. После испепеляющей дневной жары ночной воздух был пронизывающе холодным. Синдэ припас в погребе несколько циновок, но знал, что этой ночью девушка вряд ли ими воспользуется, – скорее всего, она найдет другое место для сна. И спорить с ней было бесполезно. Больше он ничего не мог сделать и поспешно удалился.

На заре Синдэ тайком улизнул из храма, где спали его товарищи, и наведалься в хижину – принес для своей подопечной немного еды и воды. Заглянув внутрь, он не увидел девушки и решил, что она убежала, но оказалось, царевна послушалась его совета и спряталась в погребе. Отдав ей узелок с завтраком и флягу из тыквы, он тотчас ушел.

В тот день подразделение регулярной армии тангутов под командованием самого Ли Юань-хао торжественно вступило в Ганьчжоу. Все ожидали, что это будет войско наемников из покоренных племен, ночевавшее за крепостной стеной, но город наводнили уроженцы Западного Ся, внешне очень отличавшиеся от ханьцев. Синдэ понял, что битва, в которой участвовала ханьская конница, была лишь частью крупной военной операции. У истоков Черной реки, что текла с севера на юг по западной оконечности провинции Ганьчжоу, и на

берегах Данышани, мимо которой проскакала конница Чжу Ванли, направляясь к городу, кипели бои между основными силами; из них тангутская армия вышла победительницей. Говорили, что уйгуры потерпели поражение на всех фронтах и бежали на запад, как будто заранее условившись об отступлении и месте сбора. На третий день тангутской оккупации Ганьчжоу сначала уйгурские ремесленники, а потом и другие местные жители стали потихоньку возвращаться в город. Их неожиданное появление удивило захватчиков: выходило, что все это время мирное население скрывалось где-то поблизости. Впрочем, ломать над этой загадкой голову никто не стал. Разумеется, вернулась лишь малая часть горожан, тем не менее гарнизон вновь сделался похожим на оживленное гражданское поселение: открылись торговые лавки, на главной площади развернулся овощной базар. Но пока в Ганьчжоу не вернулась ни одна женщина, и по этой причине Синдэ по-прежнему вынужден был прятать уйгурскую царевну в хижине. Каждый день он носил своей подопечной еду. Однажды, на вечер пятого, не нашел ее ни в хижине, ни в погребке и решил, что на сей раз девушка действительно сбежала. Однако вскоре она неожиданно появилась из сада. Когда Синдэ упрекнул ее за столь необдуманный поступок, царевна заверила его, что беспокоиться не о чем: она выходила каждую ночь, чтобы умыться и выпить воды, и ничего страшного не случилось. Девушка стояла у входа в хижину. Синдэ отчетливо видел ее в лунном свете – на ее лице уже не было усталости и страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.